

УДК 343.97(09)

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-3-119-131

Преступность в первобытном обществе

Юрий М. Антонян

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, crimlaw2007@yandex.ru*

Аннотация. Предпринята попытка доказать, что преступность существовала еще в первобытном обществе, задолго до появления письменности. Ее составляли посягательства на жизнь, здоровье, собственность, достоинство человека, на все те правила, которые оберегали его от потусторонних сил, нарушали его благоденствие. Наказания могли быть очень строгими, вплоть до смертной казни. Статья основана на работах Л. Леви-Брюля, З. Фрейда, Д.Д. Фрэзера, Р. Осборна, Э.Б. Тэйлора, Э. Дюркгейма, Б. Малиновского, Ф. Энгельса. Некоторые из названных авторов жили в современных первобытных общинах.

Ключевые слова: преступность, нарушение правил, первобытный строй, первобытные отношения, первобытные люди, сакральный вид нарушений, общеуголовный вид нарушений.

Для цитирования: Антонян Ю.М. Преступность в первобытном обществе // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 3. С. 119–131. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-3-119-131

Crime in primitive society

Yurii M. Antonyan

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
crimlaw2007@yandex.ru*

Abstract. An attempt to prove that crime had existed in primitive society, long before writing appeared, is made. It consisted of the assault on life, health, property, dignity of a man, on all those rules that were to protect him from other worldly forces and of breaking his welfare. Punishment could be very strict, up to the death penalty. The present article is based on works by L. Levy-Brühl, Z. Freud, D.D. Fraser, R. Osborne, E.B. Taylor, E. Durkheim, B. Malinowski, F. Engels.

Keywords: crime, violation of rules, primitive system, primitive relations, primitive people, sacral type of violations, ordinary type of violations

For citation: Antonyan YuM. Crime in primitive society. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series.* 2019;3:119-131. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-3-119-131

Поскольку я утверждаю, что преступность не только вечна, но и всегда была спутником человечества, необходимо доказать, что она существовала с его появления. Именно в эту историческую эпоху начали возникать, чтобы никогда не закончиться, конфликты между людьми и их группами, личными и групповыми стремлениями, между своими возможностями и целями; люди и группы начинают ощущать потребность в защите своих и групповых интересов, причем агрессия могла быть прямой и замаскированной; последней в тех случаях, когда враг насылал еще болезни, несчастья, голод, плохую погоду, падеж скота и т. д. Надо было защищаться от него, в том числе и путем нападения или привлечения «хорошего» шамана. Боялись невидимых, но грозных сил, которые насылали беды, но могли и помочь, причем весьма существенно. Эти силы были таинственными, невидимыми, но могучими. При безразличии первобытного мышления в отношении известных причин, которые убедительно доказал Л. Леви-Брюль, эти силы становились всесильными. Вера в них стала основой религии, частично магии, верой в различные невидимые силы, которые есть у современных людей.

Л. Леви-Брюль отмечал, что как охотник, так и воин считаются разгневавшими невидимые силы. Убитый зверь или человек продолжает жить в мире мертвых, более страшный в своем новом положении неуволимого и неосязаемого духа, чем прежде, когда был

живым существом. А так как индивид, будь то человек или животное, не отделен реально от других членов своей группы или своего вида, то другие невидимые силы интересуются участью жертвы. Убийца должен бояться гнева не только родственников мертвого [1 с. 532]. Выше эту особенность психической деятельности первобытных людей Л. Леви-Брюль называет мистической, поскольку она представляет собой веру в силы, влияния, действия, неприметные, неосязаемые для чувств, но тем не менее реальные для наших далеких предков [1 с. 29].

3. Фрейд допускал, что некие сыновья завидовали своему отцу, которому доставались лучшие женщины их племени, и в конце концов убили его. Впоследствии они, говоря современным языком, раскаялись и сделали отца, ими убитого, своим божеством [2 с. 251]. Я не буду обсуждать здесь теологические особенности и обоснованность этой гипотезы, для меня важнее всего констатировать убийство отца как способ разрешения конфликта в древнейшем мире. Думается, что и убийство «фрейдовского» отца не было первым преступлением на земле. Наверное, убийство библейским Каином своего брата Авеля тоже не было первым таким преступлением, хотя Каин и Абель вместе со своими родителями составляли единственных людей на Земле. Но что-то подсказывает, что Каин уже наблюдал такой жизненный опыт, когда с помощью убийства разрешался важный конфликт. Каин, как и последующие через всю нашу историю каины, вовсе не каялся в содеянном. Он лишь боялся того, что «всякий, кто встретится со мною, убьет меня» (Быт. 4:14).

Бог сжалился над первым убийцей, видимо, подозревая, что ему не раз придется делать так, и потому сделал Каину знамение, чтобы «никто, встретившись с ним, не убил его», причем отметил, что «всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро» (Быт. 4:15). После этого Каин счастливо поселился к востоку от Эдема. С тех пор тьма убийц благополучно жила вблизи Эдема.

Комментируя этот библейский эпизод, Д.Д. Фрэзер писал, что «каинова печать» использовалась для того, чтобы сделать человека-убийцу неузнаваемым для духа убитого им же с целью придать его внешности настолько отталкивающий или устрашающий вид, чтобы у духа пропала охота приближаться к нему [3 с. 60]. Но факт остается фактом: Господь скрыл убийцу от возмездия. В народе за много веков сложилось иное понимание «каиновой печати» как чего-то такого, что навсегда останется позорным пятном на человеке, отличающим его от других.

В бесчисленных мифах и преданиях древних народов – египтян, греков, вавилонян, ассирийцев, евреев – почти всех древних национальных групп содержатся сюжеты об убийствах, похищениях,

ограблениях и других видах насилия, учиняемых богами, героями, другими легендарными существами. Также не остается сомнений в том, что аналогичные действия имели место в реальной жизни людей, которая не могла обойтись без насилия. Его они спроецировали на жизнь мифических персонажей, как, впрочем, себя и всю свою жизнь, тем самым четко отразив борьбу добра и зла.

В этой связи, преступления совершались постоянно, даже во время первобытного общества и на этапах его перехода к иным формациям, причем данные этапы могли быть весьма долгими. В некоторых обществах первобытность сохраняется до текущего времени (Африка, Океания). Исследования не оставляют возражений: даже в обществе (племени, роде и др.) дикарей существовал некий свод неписаных правил, нарушения которых влекли карательные санкции от наказаний имущественного характера (к примеру, таких, которые сейчас мы называем штрафом) до изгнания из племени и лишения жизни. То, что тогда не было писаного уголовного законодательства, не свидетельствует о неимении преступности, возможно, общество еще не достигло нужного для этого уровня, люди попросту не умели писать. Но уже в то время действовали запреты, которые определяли функции подобных законов и которые нарушались.

Данные правила были обычаями, освященными традициями, уважение предков, магическими или примитивными религиозными предположениями, обусловленной жизненной практикой тех годов. Без этих обычаев сообщество не могло бы жить и развиваться, они обеспечивали его целостность, отгораживали от наиболее рискованных посягательств жизнь, здоровье и достоинство людей, имущественные интересы общины в целом либо ее отдельных членов, весь те ценности, которые имели сакральный характер и составляли духовную основу существования людей того времени.

Ниже я попытаюсь исследовать роль инстинктов в совершении преступлений против человека, в том числе и наиболее опасных, а также значение инстинктов в вечности преступного поведения.

Как отмечает Р. Осборн, у нас нет оснований рассматривать «пресловутый родоплеменный строй как длящееся и бессобытийное состояние коллективного невежества: уклад и устройство “варварского” доисторического общества позволяли весьма эффективно распределять властные полномочия, держать в жестких рамках преступное поведение и ход военных действий, успешно приспосабливаясь к меняющейся среде обитания, а также создавать произведения искусства, которые остаются непостижимо прекрасными и поныне» [3 с. 74]. Если мы хотим понять прошлое, нам следует исключить предвзятое отношение к нему как к чему-то неизмери-

мо более низкому, примитивному, исключительно варварскому. Верования первобытных людей нам представляются исключительно примитивными, хотя многие из них легли в основу последующих верований и даже сохранились в современных религиях. Лишь со временем эмпирические факты древнейшей истории, приняв мифологическое одеяние, уступают место, и то лишь частично, нравственной интерпретации, приобретая символическую ценность. Уже тогда человек стал частью эпопеи сотворения мира, его расцвета и упадка, в чем можно видеть попытку примирить человеческий поиск смысла жизни с принципиальной бессмысленностью мира.

Можно ли предположить, чтобы в такой первобытной жизни, где начинались поиски, сочетаясь с непрерывным и постоянным соперничеством между людьми, не было преступности, то есть нарушения правил существования, полного опасностей и противоречий?

Ранее первобытное общество представляло собой совокупность нескольких самостоятельных общин. Каждая из общин жила в тесной связи с другими, поэтому их члены с неизбежностью контактировали друг с другом. Члены различных групп могли друг с другом как сотрудничать, так и конфликтовать. Причиной конфликтов чаще всего было нанесение ущерба членами определенной общины члену (членам) другой, а тем самым и всей этой общине. Данный ущерб мог быть различным: убийство, ранение, изнасилование, хищение вещей и т. д. Следовательно, эти действия (поведение) появились намного раньше тех законов, которые запретили их совершение.

Так, самые древние уголовные законы (Законы Хаммурапи, Законы Ману) зафиксировали то, что уже давно существовало в жизни и вызывало реакцию общества. Эти законы не выдумывали, например, убийство или кражу, они лишь в письменном виде излагали то, что уже давно расценивалось обществом в качестве опасного для него, но, конечно, подобная фиксация означала несомненное движение вперед. Можно возразить, что история знает великое множество случаев, когда не закон приспособлялся к жизни, а с помощью закона старались приспособить жизнь к тому, что в данное время требовалось правящей элите. Такими были многие законы германского Третьего рейха и коммунистического СССР. Однако к тем древним законам, которые впервые письменно установили уголовную ответственность за общеуголовные преступления, наказуемые в любом обществе, указанное по понятным причинам не относится.

В древних законах правовая норма еще не имела четких форм, в нее входили и иные формы, в том числе религиозные. Религиоз-

ные же санкции и сила обычая или общественного мнения были призваны активно содействовать реализации нормы. Священные тексты многих религий содержали по существу правовые предписания и санкции за их нарушение. Подобные предписания во множестве имеются в Библии, например в Книге Исход. Фиксация преступности в первобытном сообществе, исследование ее основных форм выявляют возможность выстроить общую культурологический теории (либо модификацию) преступности, глубже понять ее природу и, как результат, еще раз доказать, что преступность есть вековечный и неизменный спутник человечества, от которого оно никогда не сумеет избавиться.

Преступность является частью первобытной культуры. Сведения о преступности можно получить из мифологических источников, а также, что несравненно важнее, из результатов современного научного изучения первобытных племен, все еще в изобилии имеющих на нашей планете. Мифологические источники говорят о ней лишь косвенно, поэтому можно ошибиться, опираясь только на них. К тому же речь может идти только о тех мифах, которые сохранились в последующую эпоху и были отражены в новых мифах и иных письменных формах.

Прежде чем говорить о преступности как таковой, необходимо выделить соответствующие запреты определенными действиями, которые в настоящее время являются преступными. В этой связи, применительно к первобытному строю, можно говорить о нескольких видах преступности.

Сакральный, т. е. священный, вид преступности

Древний человек был «окружен» бесчисленными богами, божками, духами героев, предков, убитых врагов, растительности, воды, неба, камней и др. Все они плотным кольцом окружали его. Кроме того, что очень важно, между отдельными явлениями и предметами существовали магические связи. Посягнуть на сверхъестественных персонажей или магические связи (а те и другие имели сакральный характер) означало нарушить основы жизни во вред человеку. Такие посягательства не могли не караться. При этом сами они тоже имели сакральный характер, поскольку вызывали изменения в мире.

Французский психоэтнолог Л. Леви-Брюль приводит слова эскимосского шамана Ауа:

Мы боимся духа земли, который вызывает непогоду и заставляет нас с боем вырывать нашу пищу у моря и земли. Мы боимся Сила (бога луны). <...> Мы боимся Таканагапсалук, великой женщины, пребывающей на дне моря и повелевающей морскими животными. <...> Мы боимся коварных духов жизни, воздуха, моря, земли, которые могут помочь злым шаманам причинить вред людям. Мы боимся духов мертвых, как и духов убитых нами животных [1 с. 105].

Единственная возможность спасения для такого окруженного злыми силами человека заключается в том, чтобы сообразовать свое поведение со спасительными преданиями, унаследованными от предыдущих поколений. Эти предания – суть правила, нарушение которых может иметь самые тяжкие последствия.

Д.Д. Фрэзер дает обстоятельный перечень различных запретов в первобытном сообществе. Это табу на общение с иноплеменниками, пищу и питье, «обнажение» лица, выход из жилища, остатки пищи. Целый ряд табу распространялся на людей, в том числе вождей и правителей, носящих траур, женщин во время менструаций и родов, воинов, убийц, охотников, рыболовов и др. Существовало также множество табу на предметы и слова [4 с. 188–250].

Фрэзер приводит множество примеров применения уголовных наказаний к тем, кто нарушал запреты. Так, в Африке ни один человек и ни одно животное под страхом смертной казни не смели смотреть на правителя Лоанго, когда тот ел или пил. Когда в комнате, где обедал этот правитель, вбежал его собственный сын, отец приказал незамедлительно четвертовать его и носить части тела по населенному пункту. Увидеть за приемом пищи царя Дагомеи являлось уголовно наказуемым проступком [4 с. 188–250]. Царь Баньоро в Уганде не мог прикасаться к еде руками, поэтому его должен был кормить повар, который внимательно следил за тем, чтобы не коснуться металлическими вилками зубов царя, поскольку такой поступок карался смертью [5 с. 226].

Разумеется, особа правителя (царька) была не единственным объектом охраны, но именно с ней древний человек связывал свое благополучие и безопасность, веря в ее сверхъестественный статус.

Человек первобытного общества испытывал ужас перед смертью. Поэтому практически во всех странах был выработан целый кодекс поступков (действий и бездействия), которые, по мнению древнего человека, максимально сокращали, а в лучшем случае исключали вообще контакты со всем тем, что имело отношение к смерти, и со всеми теми, кто так или иначе соприкасался с нею. Так, у первобытных аборигенов Андоманских островов, если один мужчина убивал другого в сражении между деревнями либо в лич-

ной ссоре, он оставлял свою деревню и отправлялся жить изолированно в джунгли, где должен был оставаться в течение нескольких недель или даже месяцев. После этого он проходил обряд очищения [5 с. 240]. Такие же правила действовали в Новой Гвинее, на островах Кука, у эскимосов, различных племен Африки, в Индии и т. д. Их существование Фрэнсис объясняет тем, что нарушение табу грозило гибелью самому убийце. Однако дело не только в этом, но и в том, что он должен был изолировать себя, поскольку представлял опасность для всего рода или племени. Поэтому нарушение изоляции каралось сообществом очень строго. Можно сказать, что и в данном случае само нарушение имело сакральный характер, так как по представлениям древних людей могло вызвать самые неблагоприятные для них последствия.

Из частей человеческого тела наиболее табуирована или священна всегда была голова. В Камбодже было обязательно уважать голову каждого человека, в особенности царя. Никто не мог прикоснуться к голове младенца у груди матери; в прошлом, если кто-либо осмеливался сделать это, его убивали, поскольку считали, что только так можно искупить подобное святотатство [5 с. 255].

Дикарь не состоянии провести четкую грань между словами и вещами. Он считает свое имя существенной частью самого себя и вследствие этого полагает, что с помощью магии через его имя, так же как и через его волосы, ногти или другие части тела, ему может быть нанесен вред. Поэтому он с большой осторожностью произносит свое имя и редко позволяет делать это другим. Так, у барунди, живущих к западу от озера Виктория (которое раньше называлось Виктория-Ньянза), люди неохотно сообщают незнакомцам свои имена или имена своих детей, чтобы эти незнакомцы не смогли посредством магии воздействовать на владельцев имен и навредить им. Бангала с Верхнего Конга полагают, что у духов плохое зрение, но очень острый слух, поэтому никогда не упоминают имя человека, пока он рыбачит, из опасения, что духи могут увести рыбу из сетей и ловушек. У говорящих на ила народов Северной Родезии человеку не разрешается произносить свое имя, особенно в присутствии людей старшего возраста. Если кто-либо кощунственно произнесет при них собственное имя, это считается серьезным проступком, они могут продать такого человека, сделать его рабом или изгнать из общины, если члены его клана не выкупят его [5 с. 265].

Запрет на произнесение вслух имени имеет архетипический характер, он распространен повсеместно. Можно предположить, что клички, столь популярные в преступной среде, одним из источников имею данное табу: кличка помогает скрыть подлинное имя человека.

Такое отношение дикаря к важным для него явлениям порождено особенностями его мышления. Они заключаются, как отмечал Л. Леви-Брюль, в безразличии к естественным причинам. Если дикарь заинтересован каким-нибудь явлением, то не ограничивается его пассивным восприятием, а реагирует на него, повинувшись своего рода умственному рефлексу; он думает о какой-либо таинственной невидимой силе, выражением которой, по его представлению, служит данное явление. Сверхъестественное колдовство дает первобытному человеку столь же быстрое и логичное объяснение всего происходящего, как и наше обращение к познаваемым силам природы. Он совершенно не пытается отыскать причинные связи, которые неочевидны сами по себе, и немедленно обращается к мистической силе. Но даже замечая причинные связи или воспринимая их под влиянием посторонних указаний, дикарь все же не придает им особого значения, а это является естественным следствием прочно установленного факта, что коллективные представления первобытных людей непосредственно вызывают у них мысль о вмешательстве мистических сил [1 с. 284–285].

Заметим, что многие наши современники во вполне цивилизованных странах поступают точно так же. Объяснения, которые давал древнейший человек окружающим его вещам и явлениям, созидающее и разрушающее значение, которым он наделял поступки и слова, для него вполне естественны. Как справедливо отмечал Э. Дюркгейм, такие объяснения представляются первобытному уму простейшими в мире. Он не видит в них ничего странного, это наиболее непосредственный способ представления мира и его понимания. Для него нет ничего странного в том, что можно голосом или жестами управлять стихиями, останавливать или замедлять движение звезд, вызывать или прекращать дождь и т. д. [6 с. 516].

Нарушение запретов, которые установлены первобытными сообществами, диктуемых условиями их существования, представлялись людям того времени чрезвычайно опасными. Поэтому они наказывались иногда очень сурово. То, что они не облакались в письменную форму закона, не столь существенно. Главное, что они считались общественно опасными.

Со временем сакральная преступность в том виде, в котором она существовала в первобытные времена, исчезла или почти исчезла. Еще очень долгие века людей наказывали за деяния, которые считались нарушениями священных запретов, а потому расценивались как весьма опасные. Длительное время такая преступность сохранялась в обществах, в которых были сильные мистические компоненты, например, в советском государстве, особенно в ленинско-сталинский период его существования. Так,

самые суровые уголовные наказания могли последовать за неуважительные, по мнению властей, действия, даже жесты в отношении портретов так называемых вождей, и тем более за критику их высказываний.

Общегуловный вид преступности

Не стоит определять его как главный. Однако он, несомненно, доказывает, что преступность будет существовать всегда: кражи, грабежи, разбои, убийства, изнасилования и т. д. всегда существовали и всегда будут с человеком, потому что он таков и таково общество, в котором он воспитывался, живет и действует. Преступность вечна, поскольку, как мы говорили выше, во все времена были и будут люди, не удовлетворенные своим положением и отношением окружающих к себе, а поэтому готовые нарушить уголовно-правовые запреты. Они готовы так действовать в одиночку или группами. Главное в том, что они действуют. Причем неудовлетворенность своим положением надо понимать очень широко: от неудовлетворенности собственным должностным или материальным положением до неудовлетворенности сексуальными отношениями.

Согласно мнению Б. Малиновского, исследовавшего на протяжении длительного времени специфику поведения аборигенов Тробрианских островов, отмечает:

само понятие преступления в тробрианском обществе может быть определено только в самых общих чертах – иногда в качестве такового выступает взрыв страсти, иногда нарушение некоторого табу, иногда покушение на личность или собственность (убийство, кража, нападение), иногда это уступка своим преувеличенным амбициям, богатство, несанкционированное традицией и противоречащее прерогативам вождя или какого-либо из старейшин [7 с. 263].

Кража у тробрианцев понимается в двух видах: 1) незаконное присвоение предметов личного потребления, орудий и ценных вещей; 2) кража пищи растительного происхождения с огородов или из хранилищ. Последняя считается наиболее позорной, поскольку для этих туземцев нет большего позора, чем не иметь провизии, ощущать нехватку продуктов или просить их.

Убийство в их обществе крайне редкое явление. Малиновский в своем исследовании указывает только один случай убийства: ночное убийство колдуна с дурной славой. При этом целью убийства

была защита больного – жертвы колдуна кем-то из вооруженной охраны, которая в этих случаях стояла на посту всю ночь.

Малиновскому рассказывали еще о нескольких случаях убийств за прелюбодеяние или обиду, нанесенную высокопоставленным лицам, наконец, в драках и поединках. Во всех случаях, когда мужчина погибает от рук людей другого субклана, соблюдается долг чести. Теоретически эта месть считается неотвратимой, но на практике она обязательна только в том случае, если речь идет о взрослом высокопоставленном человеке, но и тогда понимается как излишняя, если погибший пострадал из-за собственной несомненной вины. В других случаях, когда вендетты явно требуют честь субклана, ее избегают, заменяя «платой за кровь».

Изучая преступность первобытного общества, необходимо принимать во внимание сильнейшее влияние магии на членов этого общества. Согласно справедливому мнению Малиновского, «мировоззрение дикарей – это путаница предрассудков и суеверий, дологическая смесь мистических “несопричастностей”» [8 с. 27]. При этом они распознают опасность определенного рода влияний и соответственно наказывают за них. Их знания, несомненно, ограничены. Но в определенных ситуациях и представлениях они тверды и не стремятся к мистике или магии. Поэтому если у них ломается ограда огорода, они могут объяснить это действием таинственных магических сил, но, чтобы исправить ее, прибегают не к магии, а к работе. Точно так же, если у первобытного человека что-то украли, он хочет поймать вора и вернуть похищенное. Правда, если для этого нужна магия, он и к ней прибегает, но опасность для него самой кражи или грабежа осознает и без магического характера.

Первобытный период для человечества протекал довольно долго и в несколько этапов. Этапы более всего удачно описаны в трудах известного ученого Ф. Энгельса. В частности, в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» упоминается о таких наказаниях, как запрет на половую связь вне «брачных классов» в первобытном обществе, о кровной мести, об убийствах на почве бытовых конфликтов. Марксистская криминология, отстаивая свое ложное учение о классовом происхождении преступности, попросту игнорировала названные недвусмысленные положения одного из собственных основателей.

Резюмируя итог проведенного исследования, необходимо отметить, что преступность пронизывает всю историю человечества с самых первых этапов его становления. Можно возразить, что преступлений в первобытном обществе было мало и они представляли собой лишь отдельные эксцессы. Но в то время, во-первых, и людей

было мало; во-вторых, никто не вел никаких учетов, никто не мог подсчитать, сколько было убито людей, изнасиловано женщин и разграблено имущества при очередном налете одного племени на другое. Хотя такие налеты, безусловно, относятся к первым, весьма кровавым, шагам по созданию единых государств.

Существуют такие преступления, которые вообще трудно отнести к определенной эпохе. Представьте себе такую ситуацию: после богатого улова рыбак возвращается домой, по дороге на него нападают двое разбойников и отбирают добычу. Скажите: когда это произошло – в доисторические времена или вчера в курортной зоне Подмосковья? Поразительно сходны мотивы преступного поведения тогда и сейчас, более того, за всю историю человечества они фактически не изменились, что позволяет утверждать о временном единстве преступности, когда изменяются, определенным образом, конкретные жизненные ситуации при совершении преступлений, способы реализации мотивов, а также орудия преступной деятельности.

Литература

1. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1992.
2. *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия // Психоанализ. Религия. Культура. М., 1962.
3. *Фрезер Д.Д.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.
4. *Фрезер Д.Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986.
5. *Фрезер Д.Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Дополнительный том. М., 1998.
6. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Религиоведение: Хрестоматия. М., 2000.
7. *Малиновский Б.* Избранное: динамика культуры. М., 2004.
8. *Малиновский Б.* Магия, наука, религия. М., 1998.

References

1. *Levy-Bruhl L. Primitives and the Supernatural.* Moscow, 1992. (In Russ.)
2. *Freud Z. Man Moses and the Monotheistic Religion. Psychoanalysis. Religion. The culture.* Moscow, 1962. (In Russ.)
3. *Fraser DD. Folklore in the Old Testament.* Moscow, 1985. (In Russ.)
4. *Frazier DD. Golden branch. The study of magic and religion.* Moscow, 1986. (In Russ.)

5. Fraser DD. Golden branch. The study of magic and religion. Additional volume. M., 1998. (In Russ.)
6. Durkheim E. Elementary forms of religious life. *Religious Studies: Anthology*. Moscow, 2000. (In Russ.)
7. Malinowski B. Selected: the dynamics of culture. Moscow, 2004. (In Russ.)
8. Malinowski B. Magic, Science and Religion. Moscow, 1998. (In Russ.)

Информация об авторе

Юрий М. Антонян, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; crimlaw2007@yandex.ru

Information about the author

Yurii M. Antonyan, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; crimlaw2007@yandex.ru